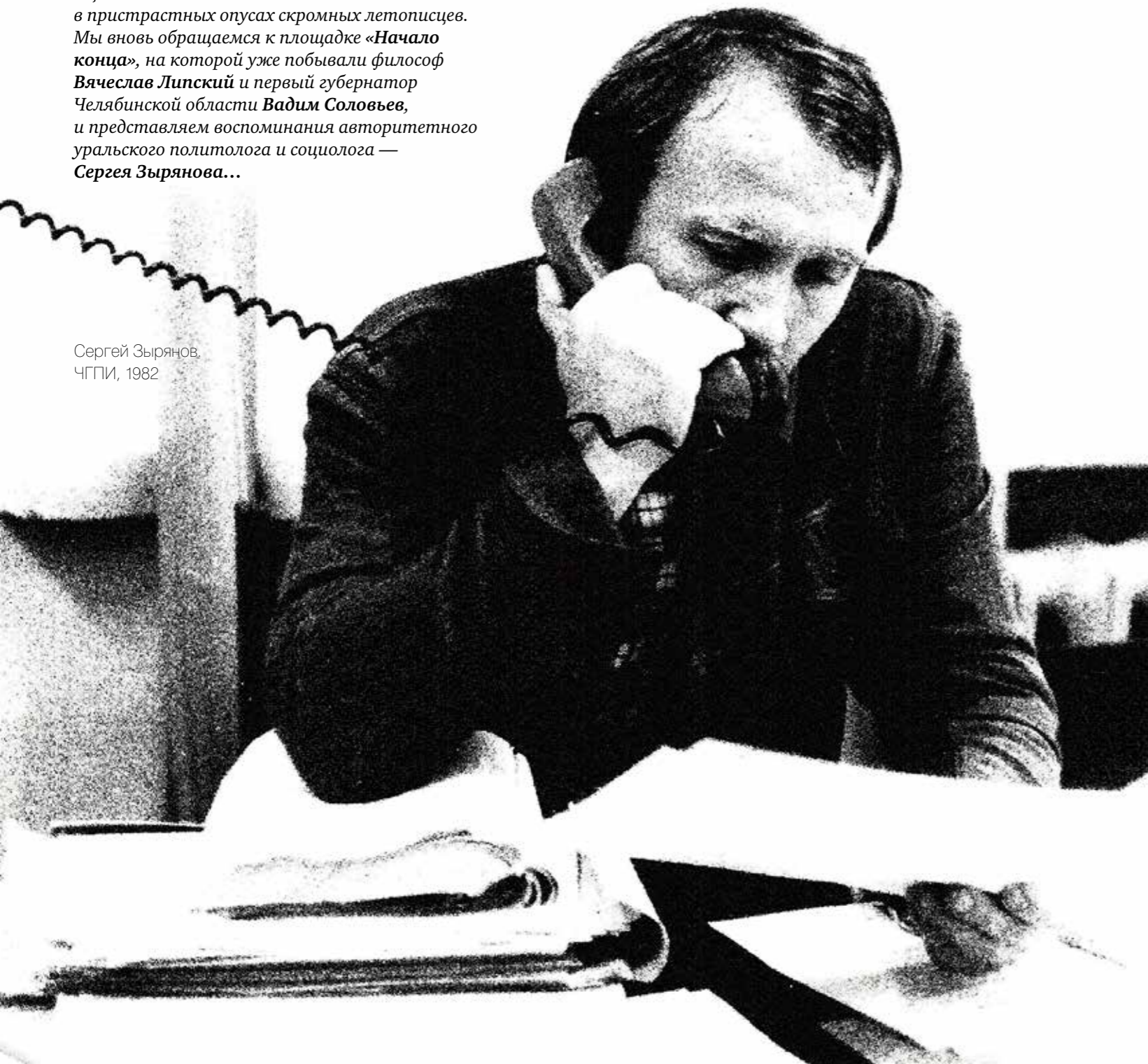


«Сергея, нас ждут такие перемены!..»

В связи с 25-летним юбилеем развала Советского Союза, отмечаемого в 2016 году всей «прогрессивной» либерально-демократической общественностью, редакция **БК** становится на безвозмездную трудовую вахту с намерением еще выше поднять знамя новейшей России в пристрастных опусах скромных летописцев. Мы вновь обращаемся к площадке «Начало конца», на которой уже побывали философ Вячеслав Липский и первый губернатор Челябинской области Вадим Соловьев, и представляем воспоминания авторитетного уральского политолога и социолога — Сергея Зырянова...

Сергей Зырянов,
ЧГПИ, 1982



И В 1985-м уже не было страха

В марте 1985 года я учился в Москве на курсах повышения квалификации в МГУ, где читались очень любопытные лекции и встречались разные интересные люди. Например, с нами учился двоюродный племянник министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко. Сразу после смерти генсека К. У. Черненко всем стало понятно: кто возглавит похоронную команду, тот и будет генеральным секретарем ЦК КПСС. Логика смены власти в стране иллюстрировал опыт погребения сиятельных трупов предыдущих генсеков — Л. И. Брежнева и Ю. В. Андропова. Эта траурная процедура «обновления» власти проводилась достаточно быстро, буквально в течение двух-трех дней.

С племянником Громыко мы не были друзьями, но учились в одной группе, на одном потоке. И он вполне свободно делился своими впечатлениями и подробностями, о которых еще никто не знал и вслух не говорил: «Слушай, Серега, нас всех ждут такие перемены, ты и представить себе не можешь!..» — «А что за перемены?» — «Ну, начнутся новые времена...» — «А в чем они будут новыми?» — «Стариков уберут из Политбюро и вообще отовсюду. Это вопрос решенный...» — «А как твой дядя?» — «Он тоже уйдет с поста министра иностранных дел, но получит другой пост, тоже солидный». — «А почему?» — «Горбачев и Громыко заключили какой-то тайный союз, договорились, что Громыко поддержит Горбачева во время выдвижения его на пленуме ЦК КПСС и в дальнейшем...»

И именно так всё случилось. Вопрос в том, как племянника Громыко угораздило слить эту информацию? А просто тогда, в 1985-м, уже не было страха. Кстати, сейчас он возвращается, к сожалению. Мы опять в слож-

ной ситуации: всего-то тридцать лет прошло — и как быстро виток спирали закружается. Официальная пресса давит, мол, не смей говорить, что «Крым не наш», а то тебя сразу же прижучат! А в 1980-х годах не было страха — по крайней мере, в нашей специфической среде гуманитариев, преподавателей и заведующих кафедрами общественных наук.

Мы учились в Институте повышения квалификации в МГУ, где по советским меркам был довольно высокий уровень свободы мысли. И базовые лекции нам читали преподаватели, которые весьма критично воспринимали социалистический уклад в экономике и политической жизни в Советском Союзе. Передовая профессура, как правило, отличалась особой тягой к либерализму, к независимости оценок. Например, спецкурс по экономике сельского хозяйства читал Алексей Михайлович Емельянов, который на первой же лекции заявил: «Я — последний крестьянин в МГУ!» И, правда, у него были крестьянские корни, родился и рос в Смоленской области. Кстати, прошло всего несколько лет, и именно А. М. Емельянов стал первым ректором-президентом Российской академии государственной службы, в которой я сейчас работаю. А в восьмидесятые годы Алексей Михайлович выделялся прогрессивным мышлением и смелостью суждений по поводу организации экономики сельского хозяйства в стране...

А еще я записался на семинар Анатолия Павловича Бутенко, известного и по тем временам смелого социального мыслителя, который написал статью, вызвавшую большой резонанс в философской среде, — «Противоречия при социализме». Он задал однозначный вектор такой фразой: «Мы говорим о социализме, о развитом социализме — но мы не знаем общества, в котором живем». Импульс к обсуждению подобных публикаций придал приход к власти Ю. В. Андропова. Такой посыл стал мощным толчком для мыслящих лю-

дей! Это было воспринято как сигнал к обсуждению того, что в стране происходит что-то не так: мы влезаем в страшные долги, ослабли те самые «духовные скрепы», что сейчас часто упоминаются.

Советская система была типичным авторитарным режимом, который во многом зависел от личности первого руководителя. Поэтому три подряд смерти престарелых генсеков КПСС — Леонида Брежнева, Юрия Андропова и Константина Черненко — привели к мощному внутривластному напряжению, переросшему в открытый конфликт. А я тогда сам пытался разобраться — кто с кем и кто против кого?

В составе советской властвующей элиты можно было выделить три основные группы интересов. Первая — государственники и военные, включая представителей ВПК; вторая — высшие партийные работники, всегда отличающиеся своим положением от всех прочих; третья — «красные директора», то есть руководители хозяйственных структур, и часть партийных работников, по своей карьере связанных с ними.

В итоге после трехкратного перенапряжения в 1982–1985 годах, связанного с пышными похоронами генсеков, в поиске устраивающего всех компромисса победила третья группировка. А новый генсек — Михаил Горбачев, 54 лет от роду, — в принципе выражал их интересы и выступал за то, чтобы именно эта «группа влияния» получила сначала хотя бы большую степень свободы в принятии решений, а потом право определять политический курс развития страны. Об этом уже тогда говорилось вслух, публично, но я полагаю, что у всех акторов перестроечного процесса таился в подсознании и сугубо личный корыстный интерес.

Драма состояла в том, что крупная собственность, которой «красные директора» управляли де-факто по своему разумению, используя ее для решения государственных задач, а попутно и для собственных интересов,

не могла быть передана им де-юре в бессрочное пользование, например, с правом продажи или наследования их родственниками. Подобное исключалось в принципе, хотя «крупные руководители» всегда пользовались «общими благами» в групповых и личных корыстных интересах на полную катушку. То есть «верхушка» какого-нибудь машиностроительного или металлургического завода-гиганта вполне могла себе позволить жить на широкую ногу, а не на зарплату, без зазрения совести оправдывая это сложившейся системой привилегий и интересами дела.

В каждом областном центре или относительно крупном городе союзного значения обустроивались так называемые «дворянские гнезда», где обитала местная номенклатура — партийное и хозяйственное руководство, а также силовики. Скажем, в Челябинске «номенклатурным оазисом» был «городок МВД», очерченный проспектом Ленина, улицами Красной, Сони Кривой и Свердловским проспектом. В Свердловске, где жил первый секретарь обкома Борис Ельцин, такое же «дворянское гнездо» было свито на улице Рабочей молодежи, рядом с площадью 1905 года, и позже еще одно обосновалось в районе перекрестка улиц Малышева и Белинского.

Когда в первой половине 1970-х годов я и мои сокурсники, включая будущего госсекретаря России Геннадия Бурбулиса, обсуждали подобные темы, то вполне себе понимали, что единство партии и народа, а также монолитность членов Политбюро ЦК КПСС являлись мифом, за которым скрывалась внутриэлитная борьба и разобщенность интересов высшего руководства партии.

И борьба разных групп интересов, обострявшаяся через десять лет — в середине 1980-х, очень четко проявила набравшие силу противоречия, что наглядно описал Виль Липатов в своем замечательном романе «Игорь Саввович». К приходу Горбачева связь между партийными работниками, силовыми структурами и директора-

ми-хозяйственниками начала трещать и ломаться. Пожалуй, даже простые обыватели имели какое-то — пусть и смутное — представление о мощном конфликте, имевшем место в начале 1980-х между главой КГБ Юрием Андроповым и главой МВД Николаем Щелоковым. Ну а подковерная борьба, что происходила «на местах», была очевидна уже многим.

Раньше, скажем, первый секретарь горкома партии, начальник милиции и руководитель градообразующего предприятия как-то старались ладить друг с другом, чтобы поддерживать согласованную линию поведения. Правда, они и следили друг за другом в поисках компромата на коллег и соперников в надежде, что это может пригодиться в сложной ситуации как некая гарантия против атаки на самого себя.

Но тут, как бы вопреки принятым правилам, отдельные внутренние конфликты стали проявляться непосредственно на поверхности общественной жизни — то есть не в кухонных спорах, а в общем информационном пространстве и даже в публичных обсуждениях в трудовых коллективах.

Конечно, в Москве и Ленинграде люди чувствовали себя заметно свободнее, чем в провинции. В столицах и уровень жизни, и уровень образования, и возможность доступа к политической информации были значительно выше. Например, «вражеские радиоголоса» здесь, в Челябинске, мы своими приемниками ловили с большим трудом, причем, как правило, глубокой ночью, а москвичи и ленинградцы могли при желании даже непосредственно пообщаться с «живыми» иностранцами. Да и возможность выезжать за границу, по крайней мере у столичной элиты и интеллигенции, была вполне реальной.

Такие факторы «унавоживали» почву для «прорастания и проклевывания» более независимых суждений и оценок у осведомленной, «продвинутой» и критично настроенной части общества. В то же время у «рядовых» граждан нарастало отчуждение и не-

верие в те идеалы, которые официально декларировались представителями властвующей элиты, поскольку всё более очевидной становилась разница между политическими лозунгами и реальной жизнью.

Этот зазор разламывал сознание людей, подрывал доверие к идеологии, Советскому Союзу и к социалистической системе вообще. Впрочем, у нас это был даже не социализм в его теоретическом, научном представлении, а просто фигура речи, обозначающая фактический государственный феодализм с вкраплениями латентных капиталистических отношений. Да, условно принято называть наше прошлое «социализмом», но по существу у нас сложился государственный феодализм, возведенный в абсолют централизованный механизм управления.

Однако в нашем «народном хозяйстве» производственные отношения строились не только на плановой основе — в Советском Союзе, наряду с феодальными, «бытовали» и вполне себе рыночные структуры и механизмы. С остальным миром мы ведь все равно экономически взаимодействовали, а не только ему противостояли — мы сотрудничали не только со странами «социалистического лагеря», но и со «зловредными капиталистами».

Разрушение СССР произошло по тем же основаниям, по каким в принципе рушатся все авторитарные режимы — в том числе из-за вынужденной и явно избыточной частоты смены первых лиц системы — генсеков КПСС. А для подобных режимов и разовое обновление власти, смена высшего правителя — весьма серьезная проблема. Кстати, если сегодня мы можем квалифицировать сложившийся в современной России режим как электоральный авторитаризм — хотя в терминологии можно еще покопаться и поискать более точный термин, — то для российского общества ситуация со сменой первого лица в государстве тоже может быть весьма сложной и опасной.

2. Зачем нужна война?

Одним из факторов, ускоривших развал СССР, безусловно, явилась Афганская война (1979–1989), которую я сразу воспринял как трагедию. Война всегда была катализатором кризиса политического режима. О вводе Ограниченного контингента советских войск на территорию Демократической Республики Афганистан я узнал от своего родственника-своаяка. Он был довольно ехидным человеком и едко заметил: «Аа-а, наши опять вляпались — ввели войска в Афганистан!» Возможно, именно такая первая порция информации и насторожила. Тем более что я немножко знал подоплеку случившегося из разных источников информации.

Надо вспомнить, что американцы открыто не противостояли нашему вторжению в Афганистан, они действовали из-за спины: сначала подталкивали СССР к вмешательству, а потом создали движение сопротивления, начали вооружать моджахедов, вести их подготовку в военных лагерях и, наконец, стали передавать стингеры для борьбы с советской авиацией. По существу это был типичный конфликт 1960–1970-х годов, когда случались «разборки» сверхдержав где-то в Африке, например в Анголе, где мы поддерживали одну конфликтующую сторону, а американцы — другую. Интересы двух сверхдержав сталкивались постоянно и по всему миру, но особенно остро на дуге нестабильности. Естественно, каждый стремился «накачать» своих друзей в третьей стране оружием, военными советниками и подталкивал всё к войне...

Роман Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить...» и замечательный фильм, поставленный по нему режиссером Владимиром Фокиным, наглядно показывают противостояние не только советской



Кафедра научного коммунизма, ЧГПИ, 1980-е годы

и американской разведок, но и военных машин. Впрочем, здесь оно представляется в версии взгляда именно с нашей стороны. Но тогда это было нормальное явление, все прекрасно понимали, что мир состоит из двух геополитических полюсов. И каждый из них — СССР и США — пытались всеми правдами и неправдами удержать своих союзников, расширить и укрепить территорию своего геополитического влияния. То же самое в мире происходит и сегодня, и наша страна пытается играть в этом процессе посильную роль.

И у нас в пединституте звучала Афганская тема, но все-таки в первое время она была почти закрытой. Кое-что понималось из рассказов бывших афганцев, поступавших учиться. А потом, как я полагаю, события в Афганистане стали причиной прихода к власти Юрия Андропова как «сильного лидера, способного принимать сильные решения». Правда, когда он умер, это же стало ставиться ему в пику, его уже начинали критиковать за то, что он допустил неуправляемое развитие ситуации в Афганистане.

Наши военные и политические стратеги буквально метались, не зная, как правильно вести себя в этой стране. Официально мы вроде как друзья афганского народа, а неофициально мы их, мирных афганцев, убивали. Поэтому и тактика ведения боевых действий в Афганистане была крайне непоследовательной и эклектичной. Наверное, если бы стояла задача завоевать эту территорию — СССР ее бы завоевал.

Но такую задачу боялись ставить официально. К тому же она была просто бессмысленной: зачем нужна нищая территория? Чтобы ее потом содержать? Но зачем?

3. Мы — профессиональные гуманитарии

Я уже говорил раньше, что заведующий кафедрой научного коммунизма Челябинского пединститута Вячеслав Липский всегда отличался от коллег ярко-проблемным стилем мышления. И даже на таком пустом бессодержательном пространстве, каким являлась официальная идеология в СССР, он умел находить какие-то крючочки и вылавливать интересные нюансы политических проблем.

Мы, «профессиональные гуманитарии», в советское время (правда, в разной степени) являлись как бы «двойными людьми». Тогда это представлялось практичным неизбежным следствием безраздельного доминирования официальной государственной идеологии: публично, вслух почти все говорили одно, а в неформальном общении могли позволить себе какие-то вольности в оценках «текущего момента»... В общем, всё происходило примерно так, как у героев повестей Юрия Трифонова.

Когда же в стране наступила «тревожная осень социализма» — стали проявляться активные попытки властвующей элиты обновить часть партийного руководства на всех уровнях в соответствии с новым курсом генсека Горбачева, который был назван «перестройкой». Понятно, что импульсы к обновлению шли «сверху». Если там принималось какое-то важное партийное решение — то неизбежно, в той или иной форме, аналогичное решение дублировалось на уровне обкомов и крупных горкомов партии.

В это самое «перестроечное время» Вячеслава Липского оторвали от нашей кафедры и пригласили, или лучше сказать «взяли», в Челябинский горком партии на должность секретаря по идеологии. Это была инициатива Вадима Соловьева, который в 1984 году вернулся в Челябинск после работы в ЦК ВЛКСМ и поначалу занял должность второго секретаря горкома. И уже при Горбачеве Соловьев стал первым секретарем и всерьез занялся обновлением кадрового состава партийных работников. И казалось бы, ни с того ни с сего такие люди, как я или мой коллега — преподаватель философии Владимир Помыкалов, вдруг оказались избранными в состав горкома партии. Кстати, в горком тогда входило около сотни членов.

Таким образом, Соловьев стал формировать собственную «группу поддержки», поскольку внутри партии уже явно обозначилось конфликтное противостояние между разными «группами интересов» — «прогрессоров», сторонников перестройки, и консерваторов, ее противников. Например, Владимир Стручков, человек весьма традиционных взглядов на социализм, выдвигенец одного из оборонных заводов, как бы представлял консервативное крыло партии в противовес позиции Соловьева и его команды.

Правда, тех, кто пробовал думать свободнее, еще нельзя было считать такими уж завзятыми вольнодумцами и борцами за свободу. Просто люди всё чаще позволяли себе публично

высказывать собственное мнение, выходящее за рамки официальной точки зрения на актуальные проблемы. И это, кстати, касалось и нашего понимания прошлого, а особенно — сталинской эпохи.

Я был членом горкома партии, но у меня, в отличие от Липского, практически не было прямого доступа к первому секретарю Вадиму Соловьеву. И скоро мне уже стало непросто добраться и до Вячеслава Ивановича, поскольку он оказался как бы в другом слое властвующей элиты. Тем не менее именно от Липского мы стали узнавать о противоречиях в «верхних слоях атмосферы» и о растущем напряжении между какими-то персонами и группами влияния в регионе, в частности, между «демократическим» горкомом КПСС и консервативным Челябинским обкомом.

И тут наступил 1989 год, знаковый год в нашей истории, когда было принято решение проводить реальные выборы на конкурентной основе — как в партийные, так и советские органы власти. Эта новая ситуация позволила разрешить накопившиеся противоречия демократическим путем. На первых конкурентных выборах Липский был избран секретарем полностью обновленного обкома КПСС, а Вадим Соловьев в соответствии с рекомендацией ЦК должен был сначала избираться в городской Совет, а потом в горком. И вот на волне радикальных перемен Соловьев оставил должность секретаря горкома, пошел на выборы депутатом городского Совета народных депутатов и стал его председателем, отказавшись от избрания в горком партии.

Важная метаморфоза — человек, который всю жизнь упорно делал комсомольско-партийную карьеру, вдруг отказывается от построенного карьерного партийного будущего, хотя у него наверняка были шансы самому попасть в состав обкома КПСС. Впрочем, эти шансы являлись скорее теоретическими, поскольку Соловьев многим не нравился жестковатой прямоотой по поводу оценок проис-

ходящего в стране. А еще многим оказались не по душе управленческие решения, которые он предлагал. И, видимо, Соловьев сделал для того времени правильный карьерный шаг, так как позже именно он возглавил администрацию Челябинской области в октябре 1991 года. А далее — вплоть до декабря 1996 года — руководил региональными реформами.

Вадим Соловьев, работая с 1980 по 1984 год в ЦК ВЛКСМ, а затем в верхнем эшелоне региональной власти, имел возможность своими глазами разглядеть изнанку «той жизни» с ее лукавством и двоемыслием, которое во властной среде проявлялось еще острее. И я полагаю, что у него тоже назрел внутренний ценностный кризис. Наверное, поэтому Вадим Павлович пригласил к сотрудничеству Липского и замечательного журналиста Геннадия Лубнина. Они стали для него надежными помощниками в оценке происходящих политических и идеологических событий, а еще работали над важными текстами и докладами. Кстати, Вячеслав Иванович иногда мне признавался: «Мы с Геней в докладе секретаря горкома застолбили такие-то вещи...» Но я по неопытности не придавал этому большого значения, поэтому ничего конкретного в памяти не осталось...

4.

«СССР – тюрьма народов!»

В одной из недавних публикаций в «Независимой газете» историк и политолог Юрий Пивоваров отвечает примерно на такой по смыслу вопрос: «Можно ли себе представить другое развитие событий во время перестройки, например, что Советский Союз удержался бы от распада и сохранился бы в каком-то обновленном качестве?» И авторитетный академик

РАН заявляет, что не видит альтернативы случившемуся и что сложившийся режим далее существовать не мог.

Как же понять то, что произошло в те годы? Ведь раньше институты власти довольно умело эксплуатировали ненависть людей друг к другу, которая, в частности, проявлялась в тайном доношительстве или в публичных обвинениях на партийных собраниях. И вот — когда ценности коммунистического режима стали совсем уж дырявыми, когда ослабли традиционные институты аккумуляции человеческой энергии и вывода ее из человека во внешнюю среду, — начались колебания основ общественного устройства. И эти «колебания» выливались порою не только в проявление гражданского возмущения, но даже в трагические, кровавые события...

17–18 декабря 1986 года в тогдашней столице Казахстана Алма-Ате случились националистические выступления казахской молодежи. Они были спровоцированы решением Михаила Горбачева сместить первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Динмухамеда Кунаева и заменить его на Геннадия Колбина, бывшего секретаря Ульяновского обкома. Во время массовых беспорядков погибли три человека, а более тысячи получили тяжкие телесные повреждения. То было одно из первых выступлений в союзных республиках против центральной власти и лично Горбачева.

Дальше — больше. В июле 1987 года более сотни крымских татар устроили манифестацию на Красной площади с требованием восстановить национальные права татар в Крыму. В конце февраля 1988 года случились беспорядки на этнической почве в городе Сумгаите Азербайджанской ССР. Они сопровождались массовым насилием в отношении армянского населения, грабежами, убийствами, поджогами и уничтожением имущества армян. По официальным данным Генпрокуратуры СССР, погибло 26 армян и 6 азербайджанцев, более сотни чело-

век было ранено, телесные повреждения различной степени тяжести получили 276 военнослужащих.

В 1988 году предельно обострился этнополитический конфликт в Закавказье между азербайджанцами и армянами, который имел давние исторические и культурные корни. А в годы перестройки конфликт приобрел особую остроту на фоне резкого подъема национальных движений. Эти события вышли за рамки локальной проблемы. Вопрос заключался в том, кому — Армении или Азербайджану — должен принадлежать Нагорный Карабах?

Политическое руководство страны не было готово к подобным вызовам и общественным катаклизмам. А к осени 1988 года в Нагорном Карабахе фактически начались боевые действия, приведшие к большой крови и массовому исходу армян, проживающих в Азербайджане (около 200 тысяч). В свою очередь из Армении насильно были высланы порядка 125 тысяч азербайджанцев.

К весне 1989 года разразился еще один этнический конфликт — между грузинами и абхазцами. Абхазцы требовали выхода своей автономной республики из состава Грузинской ССР и восстановления ее в статусе союзной республики. Грузины в ответ возмутились и провели серию массовых митингов протеста. Тогда же ярко проявился лидер грузинских националистов, в прошлом диссидент, Звиад Гамсахурдия — сын известного писателя Константина Гамсахурдия.

4 апреля 1989 года в центре Тбилиси начался бессрочный митинг, выдвинувший казавшиеся всем провокационными лозунги: «Долой коммунистический режим!», «СССР — тюрьма народов!» и проч. Ядро протестующих составляли бывшие воины «афганцы» и спортсмены, вооруженные металлическими прутьями, цепями, камнями и даже огнестрельным оружием. Для подавления митинга 8-9 апреля были привлечены внутренние войска, мотострелковый полк дивизии имени Дзержинского,

полк ВДВ, Пермский и Воронежский ОМОН, а также другие боевые части. Руководил операцией командующий Закавказским военным округом генерал Игорь Родионов, впоследствии дослужившийся до министра обороны России. С обеих противоборствующих сторон погибли около 20 человек, десятки были ранены...

И уже в мае-июне 1989 года в Ферганской области Узбекской ССР разгорелся межэтнический конфликт между узбеками и турками-месхетинцами. Опять были привлечены армейские части, и опять погибли люди. Считается, что с обеих сторон были убиты свыше 100 человек, из которых больше половины составили турки-месхетинцы. Кроме того, погибли более 30 узбеков, и еще были жертвы среди военнослужащих СССР. Ну а раненых оказалось более 1000 человек!

Таким образом, во многом на поднявшейся волне межнациональных конфликтов и вопреки десятилетиями насаждаемой сверху иллюзии о нерушимом единстве многонационального советского народа, мол, «я, ты, он, она — вместе целая страна...» зашатался фундамент нашего Советского Союза. На мой взгляд, ключевая причина произошедшего кроется в том, что, как только «вертикальные государственные скрепы» управления начали переходить в горизонтальную плоскость, авторитарное государство затрещало и рухнуло в кратчайшие исторические сроки.

Все вдруг увидели, что всем вместе жить плохо. Тут пришла якобы спасительная мысль: вот если мы отделимся в свое маленькое национальное государство и будем жить как своей семьей, то всё у нас будет хорошо. Поэтому самое главное — выгнать чужих с родной земли, в том числе и с помощью кровавого насилия. Это стало очень мощным деструктивным фактором, вообще разрушающим управляемость обществом и государством. Вслед за политическими катаклизмами последовало и разрушение экономических связей...

В декабре 1991 года всем нам своими глазами пришлось увидеть крупнейшую геополитическую катастрофу XX века — распад могучего Советского Союза. По моему субъективному убеждению, как бы главные действующие лица «исторического спектакля» в Беловежской пуще — Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич, а также мой университетский товарищ Геннадий Бурбулис — не являются теми субъектами, на которых следует возлагать персональную ответственность за развал СССР.

Страна стояла на грани гражданской войны, но не они привели ее к этой грани. Просто судьба предоставила им шанс совершить исторический акт и произнести слова: «Союз Советских Социалистических Республик прекратил свое существование». И закрыть занавес... Таким образом, население союзных республик и местные элиты получили возможность самостоятельно определить свое будущее. И это, на мой взгляд, позволило избежать «югославского варианта» распада государства.

5. **Партия, дай порулить!**

Общий фон общественно-политической жизни после прихода к власти Михаила Горбачева менялся очень быстро. Повторюсь: многое из того, что раньше было запрещено даже просто обсуждать в кругу близких или сослуживцев, превратилось в предмет публичных дискуссий и факт повседневной действительности. Причем всё происходило в нарастающем темпе. И, как мне кажется, довольно значимую роль для интеллигенции, для читающей и думающей публики сыграли литературные «толстые журналы». Именно

они свершили революцию в головах советских людей.

Многостраничные периодические журналы: «Октябрь», «Дружба народов», «Нева», «Москва», «Новый мир» — были нарасхват, несмотря на миллионные тиражи! Буквально в каждом номере публиковалось что-то необычное, чего раньше вообще невозможно было ни прочитать, ни услышать. Я уже не говорю про доступность иностранной литературы как совершенно нового информационного пласта. Новое знание подпитывало аргументацию и усиливало позицию либерально ориентированной части интеллигенции, в том числе и партийной...

Любопытно, что одним из первых государственных решений Горбачева была антиалкогольная кампания. 16 мая 1985 года вышел знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения», который предусматривал административные и даже уголовные наказания. А предшествовали ему Постановление ЦК КПСС («О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма») и Постановление Совмина СССР № 410 («О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения») от 7 мая 1985 года.

Таким образом, всем партийным, административным и правоохранительным органам предписывалось решительно и повсеместно усилить борьбу с пьянством и алкоголизмом, причем предусматривалось значительное сокращение производства алкогольных напитков, числа мест их продажи и времени продажи. Было создано Всесоюзное общество трезвости. Что это полная дурь — было понятно сразу. Я в это время был в Москве на повышении квалификации и как раз застал первые последствия принятия антиалкогольного закона.

Одного нашего преподавателя, который немного погулял с московскими друзьями и слегка «под мухой»

пришел в общежитие МГУ, бдительные вахтеры, учуяв характерный запах, задержали и сообщили куда надо. Через два дня состоялось партийное собрание преподавателей потока — обстановка была напряженная, никто из присутствующих не хотел поддерживать президиум, проводивший это собрание. Но в итоге беднягу отчислили из ИПК и отправили письмо по месту его работы. Я даже допускаю, что сломали мужику судьбу. Вот такие были «перегибы на местах».

1985 год запомнился еще матчем шахматных гигантов: Анатолия Карпова и Гарри Каспарова. Я болел за Карпова как за нашего земляка! Его тогдашние взгляды у нас никому не были известны и публично не транслировались, но различные «голоса» поясняли болельщикам шахматного поединка о противостоянии Карпова, якобы символа коммунистического режима, и Каспарова, молодого человека с «новым мышлением», сторонника свободы мысли.

Однако я тогда не связывал с политикой этот шахматный матч за мировую корону между двумя советскими гроссмейстерами. И только позже заметил, что Каспаров действительно начал проявлять какую-то политическую активность. В 1989 году я увидел Гарри Кимовича среди членов межрегиональной группы народных депутатов СССР, в которой блистали Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев, Николай Травкин, Геннадий Бурбулис — наши прорабы демократии.

Примерно в середине 80-х возникла масштабная полемика в связи с личностью легендарного физика и правозащитника Андрея Сахарова. Историк Николай Яковлев написал книгу «ЦРУ против СССР» для формирования определенного правильного общественного мнения у населения СССР. Она многократно издавалась в СССР на русском и на языках народов союзных республик и даже на английском общим тиражом свыше трех миллионов экземпляров.

Николай Яковлев, в частности, изложил конспирологическую версию того, что именно и почему произошло с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, академиком, трижды Героем Социалистического Труда. А я лично в то время как-то двойственно относился к этому явно талантливому, смелому и незаурядному человеку. У меня не было полного доверия к его диссидентской позиции, поскольку прежде он был обласкан советскими властями как выдающийся физик, разработчик термоядерной бомбы, но вдруг диаметрально изменил свои взгляды и стал выступать с критикой политики Советского государства. А это, при отсутствии доверительной информации, вызывало, с одной стороны, некоторую настороженность, а с другой — чувство жалости к гонимому властями человеку.

Правда, всё это происходило в Москве, в столице, а у нас в Челябинске не было какой-то своей особенной дискуссионной темы для местной полемики, как и своей контрэлиты или общественной оппозиции. Пожалуй, я могу вспомнить только одного челябинского диссидента — это выпускник ЧГПИ Анатолий Арендарь, автор ряда диссидентских акций и публикаций, который имел прямые контакты со столичными оппозиционерами, включая Сахарова и даже Александра Исаевича Солженицына. Кстати, Вячеслав Липский хорошо знал Арендаря, но я с ним пересекался только несколько раз.

В 1980-е годы в Челябинской области еще не было активной настроенной контрэлиты. Кстати, нынешнего главного редактора «Челябинского рабочего» Бориса Киршина в первый раз я увидел в 1987 году, когда он пришел брать у меня интервью в связи с демонстрацией в день 7 ноября. Студенты ЧГПИ вышли с лозунгами типа «Партия, дай порулить!», что у официальных структур вызвало недовольство. Я был членом парткома института

и отвечал за идеологию, а Киршин представлял газету «Комсомолец» и пришел ко мне обсудить возникшую проблему. Кстати, вскоре после этого Киршин перешел в «Челябинский рабочий», который и возглавил в 1991 году в результате выборов в трудовом коллективе.

Основные темы для раскола общественных настроений поставляла союзная властвующая элита. В октябре 1987-го Борис Ельцин на Пленуме ЦК КПСС выступил с критикой Горбачева и достигнутых за два года результатов перестройки. Пафос его выступления выражался в том, что перестройка не дает результатов, которые были обещаны народу. Конечно, кадровые коммунисты-консерваторы встретили Ельцина в штыхы. И тогда же прозвучала знаменитая фраза Егора Лигачева «Борис, ты не прав!». А потом начался какой-то кавардак со здоровьем Ельцина, и возникло такое ощущение, что он как бы сделал смелый шаг, но испугался и отступил чуть-чуть назад...

Кстати, примерно в то же время студент филологического факультета пединститута Андрей Корецкий, сегодня весьма известный блогер, выпустил со своими однокашниками несколько стенгазет в авангардистском духе, с легким критическим зарядом, причем в эдаком непривычном для консервативного педагогического вуза авангардистском же оформлении. У нас ведь фактически не было никакого партийного контроля за содержанием стенных газет, но после ряда едких критических статей в стенгазете появился «ответственный секретарь».

А весной 1988 года случилось важное событие на идеологическом фронте. 13 марта в газете «Советская Россия» было опубликовано письмо преподавателя Ленинградского технологического института Нины Андреевой — «Не могу поступаться принципами». В письме осуждались появившиеся в прессе после объявления перестройки ма-

териалы, критикующие социализм и политику И. В. Сталина.

Решительная ленинградская партийная дама-преподаватель требовала вернуться к оценке происходящих в стране событий с партийно-классовых позиций. Она утверждала, что «именно сторонники “леволиберального социализма” формируют тенденцию фальсифицирования истории социализма» и упрекала их в западничестве и космополитизме.

Кстати, о Сталине. В конце июня 1988 года Горбачев решил созвать XIX партийную конференцию. Такие мероприятия, промежуточные между партийными съездами, у нас не проводились со времен вождя всех народов. Но с началом перестройки политическая жизнь в стране оживилась вследствие «ускорения», «гласности» и «демократизации» деятельности властных органов.

Поэтому и было решено не ждать очередного XXVIII съезда КПСС, назначенного на 1990 год, а обсудить назревшие проблемы на конференции. Тем более что в общественном сознании уже стало сказываться представление, что «перестройка» не ускоряется, а тормозится. И вместо продекларированного сверху качественного улучшения экономики и вообще жизни трудящихся намечилось очевидное ухудшение, закончившееся возвратом карточной системы распределения.

Кроме того, мы стали очевидцами жесткого противостояния в верхних эшелонах власти, чего еще недавно просто невозможно было вообразить. С одной стороны, начали активничать и энергично проводить свою линию сторонники члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева, который считался главным идеологом перестройки. С другой стороны, напряглось консервативное большинство «строителей коммунизма», верных идеям Маркса-Энгельса-Ленина, естественно, в своей интерпретации.

На партконференции и предполагалось «выяснить отношения»

между двумя партийными группировками. Вот такие базовые смыслы закладывались в это собрание. Надо признать, что «прояковлевских» делегатов конференции было сравнительно немного. Думаю, значительную часть их составляли как раз вузовские преподаватели, способные публично высказывать свое мнение и оценки.

Причем, как мне кажется, в памяти интеллектуальной элиты таилось генетическое ощущение страха, сформировавшееся в сознании уже нескольких поколений советских людей, задавленных жестко выстроенной коммунистической системой воспитания, образования, идеологической пропаганды и репрессий, поэтому каждая высказанная свободная, смелая идея была своеобразным резонатором, помогавшим многим выдавливать по капле из себя раба.

Естественно, более молодые люди живее откликнулись на провозглашенные сверху перемены. Вот почему и студенты нашего пединститута осмелились на лозунги типа «Партия, дай порулить!» и какие-то смелые, критичные заметки в стенгазете. А я, отвечавший за идеологический сектор в парткоме, уже сам понимал, что нам жизненно необходимо то, что называли демократическими реформами.

Правда, ребят я как бы журил и призывал их «взаимодействовать и действовать согласованно», но они правильно делали, что ничего не согласовывали, никто бы им эти лозунги заявить публично не позволил. С другой стороны, я старался препятствовать тому, чтобы этих задир серьезно наказывали. А вообще, преподавать в конце 1980-х было очень интересно. Тем более мы уже перестали преподавать научный коммунизм. Вместо него я предложил на выбор два курса: социологию и политологию. И в результате сам стал читать социологию на факультете иностранных языков...

6.

Размежевание «левых» и «правых»

Петр Сумин в 1980-е годы уже был довольно известной персоной. В 1980–1984 годах он был вторым, затем первым секретарем Metallургического райкома КПСС. А следом перешел на «хозяйственную работу» — возглавлял Челябинский горисполком и позже стал первым заместителем председателя облисполкома. В 1988 году Сумин вернулся на партийную работу и на альтернативной (!) основе был избран вторым секретарем обкома партии. В 1989 году он стал председателем Челябинского облисполкома, а в 1991-м был избран председателем Челябинского областного Совета народных депутатов. Причем с 1990 года он параллельно являлся народным депутатом России и входил во фракцию «Коммунисты России».

У Вячеслава Липского с Петром Суминым были давние хорошие человеческие отношения. И мы на кафедре «пользовались» этим. Например, в начале 1980-х годов бешеной популярностью пользовалось приложение к еженедельнику «Огонек», которое называлось «Народная библиотека “Огонька”». Главным редактором журнала был Виталий Коротич. Подписка на приложение стала настоящим дефицитом, а Липский умудрялся как-то договариваться, чтобы оформить ее на нашу кафедру. Мне лично доводилось ездить в Metallургический район за талончиками для оформления этой подписки.

Конечно, с Суминым я тогда не встречался, а имел дело с его помощниками. Но и со стороны видел, что Петр Иванович как человек обладал редким личностным обаянием. Думаю, этим врожденным качеством

Сумин очень умело пользовался. Он мог выстроить разговор практически с любой аудиторией. В нем не было нарочитой жесткости, которой нередко любили козырять партийные руководители, причем самого разного калибра. Полагаю, он тоже умел крепко отругать подчиненного, и даже допускаю, что мог в сердцах сказать по матушке, но, видимо, на публике брал все-таки демонстрацией своего искреннего человеческого отношения и заботы...

Кстати, Петр Сумин и Вадим Соловьев в молодые годы были довольно близки и даже дружили семьями — во всяком случае, мне известно, что садовые участки у них были смежные и поначалу вообще не разделялись никаким забором. Правда, потом забор — и фактический, и ценностный — вдруг вырос до небес, а следом вообще с этим садовым соседством и дружбой было навсегда покончено.

А почему? Потому что уже к рубежу 1980–1990-х годов между ними четко проявились различия в жизненных и идеологических ценностях. А к середине 90-х они и вовсе стали если не врагами, то однозначными антиподами. Сумин был верен сложившейся практике госуправления и поддерживал последнего первого секретаря Челябинского обкома КПСС Анатолия Литовченко, московских партийных и хозяйственных функционеров типа Егора Лигачева и Николая Рыжкова, а потом вошел во фракцию КПРФ в Госдуме, возглавляемую Геннадием Зюгановым.

А Соловьев, напротив, был явно «прояковлевски» ориентированным человеком. Он увлекся риторикой известных демократических публицистов-рыночников Николая Шмелева, Отто Лациса, Игоря Яковенко и др. А потом уже всецело проникся идеями экономических реформ Егора Гайдара и Бориса Ельцина. Таким образом, между прежними соратниками и друзьями молодости накапливался потенциал непонимания,

со временем перешедший в сильную взаимную неприязнь.

Кстати, уже упомянутая выше статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» вообще взорвала всё общество, обнажив какие-то прежние полунамеки и фактически поставив перед «еще не определившимися» членами партии ситуацию выбора — занять свою позицию либо «слева», либо «справа». Думаю, тот ход Андреевой был направлен отчасти против нерешительного Горбачева, а отчасти и против брутального Ельцина с его манерами публичного полудемократа-полупопулиста. Причем статья была опубликована в «Советской России» именно в отсутствие в стране Горбачева. Это тоже весьма любопытный штрих, говорящий о большом напряжении в верхних слоях партийной атмосферы.

И, между прочим, под влиянием этих бурных политических процессов наша кафедра в пединституте оказалась пусть неявно, но разделенной на две группы. Галина Сачко уже начала делать партийную карьеру — стала секретарем по идеологии Центрального райкома партии, а на последнем, XXVIII партийном съезде, ее даже избрали членом ЦК КПСС.

Мне было интересно наблюдать, как закипели страсти по поводу необходимости дружно выступить на защиту Ельцина в связи с его конфликтом с Горбачевым. А Липский довольно спокойно воспринял эту ситуацию. Ну поспорили, порассуждали — и что? Сам Вячеслав Иванович никого ни в какую сторону активно не подталкивал и не призывал, скажем, выступить в поддержку Ельцина. Но наши активные дамы сами собрали в пединституте небольшую группу своих сторонников, сочинили письмо, подписали его и отправили куда-то в Москву... В общем, они молодцы, чувствовали необходимость что-то сделать — и сделали.

А Вячеслав Иванович, будучи осторожным и расчетливым чело-

веком, позволял себе только то, что не допускало бы его дискредитации как личности и как статусного партийного функционера. В тот период, когда он был секретарем обкома КПСС по идеологии, в Челябинске появилась такая любопытная группа демократически ориентированных активистов, «представляющих интересы трудящихся и рабочего класса». Вспоминаю некоторых из них — Александр Алексеев, Анатолий Гращенков, Андрей Сашенков... Это были большие любители поговорить о «текущем моменте» на массовых мероприятиях, на собраниях в горкоме или обкоме партии, на каких-то официальных или полуофициальных встречах.

Однажды на совещании секретарей Челябинского обкома КПСС с партийным активом и общественностью города в Доме политического просвещения «новые демократы» своими вопросами и громкими выкриками заставили «замолчать» первого секретаря обкома Анатолия Литовченко. И тогда ведущий этой встречи секретарь по идеологии Вячеслав Липский осадил их словами: «России всегда не везет! Как только

начинается переустройство общества, так высовываются свиные рыла и орут: «Долой! Нечего ждать! Всё-всё разрушить!».

В отместку за такую резкость «демократы» написали в суд жалобу на Вячеслава Ивановича за оскорбление их личного достоинства. И суд принял это заявление! Разбирательство проходило в суде Центрального района в течение двух дней с участием подписантов жалобы. Но заявители не смогли доказать необходимость наказания ответчика, так как он был дипломатичен даже в своих резких высказываниях и употребил выражение «свиные рыла» чисто метафорически, не адресуя его конкретным персонам. А я тогда имел честь выступить в судебном заседании в качестве свидетеля.

В этом незаурядном событии интересен сам прецедент, свидетельствующий о том, что у нас таки наступили времена, когда граждане могли привлечь к судебной ответственности даже секретаря обкома за допущенное им некорректное публичное высказывание в свой адрес... **БК**

«В 1980 году мы будем жить при коммунизме» (из Отчетного доклада Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС, 1961 г.)

